

Николай Сергеевич Башев

12+

Друг мой - Беркут_2

Николай Сергеевич Башев
Ирина Дмитриевна Башева
Друг мой – Беркут_2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50935760

SelfPub; 2020

Аннотация

Пять книг под общим названием «Друг мой – Беркут_...» расскажут вам о жизни и приключениях дальневосточного мальчишки, мечтающего строить самолёты. Они расскажут о золотом времени советской авиации, о замечательных людях и горьких потерях... Эти книги для тех, кто на месте не сидит, у кого внутри огонь горит и кому всегда 17 лет в душе.

Друг мой – Беркут_2.

Край далёкий – с лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц – это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

П. Комаров

Как Я родился.

Мы рождены в краю суровом.
Мы рождены в краю тигровом!

М. Башева

Мои родители приехали на Дальний Восток в небольшой городок Бикин в далёком 1935 году сразу после свадьбы-женитьбы в поезде «Новосибирск – Владивосток». Купили старый бревенчатый дом и перенесли его на новое место по адресу Горный переулок 14. Посадили сад-огород, завели корову, козу, поросёнка, курочек, и стали по утрам заглядывать в капусту за мальчиком или девочкой.

В 1936 году нашли там мальчика Вову, через год ещё мальчика – Гену, в 1941 году – девочку Люсю, в 1944 году – мальчика Витю, в 1949 году – мальчика Сашу.

Первого ноября 1953 года, вместе с первым снегом, дошла очередь и до меня. С тех пор в день моего рождения хоть одна снежинка, но упадёт с неба на мою голову. Капуста капустой, а акушерку по фамилии Кацеба позвали. Жила она по соседству с нами, и принимала все роды у моей мамы. Через неделю свозили нас в роддом на часок, чтобы показать вра-

чам и выправить документ о моём появлении на свет.

Отец выбрал мне имя по календарю в память о великом путешественнике Николае Михайловиче Пржевальском. Как и мой знаменитый тёзка, я всё время в пути, всё время в дороге. Около шестисот тысяч километров прошёл, проехал и пролетел по нашему Земному Шарику. А вот в Антарктиде не случилось побывать. Постараюсь исправить этот пробел. Желание есть.

Как воспитать школьника.

Первая моя оценка в жизни была «Кол»!!! То есть единица. Потому, что не хотел в первом классе читать и писать по слогам «ма-ма мы-ла ра-му». Это был сентябрь месяц, осень, теплынь, красота. Я получил свой заслуженный красный «кол» во всю страницу, вышел из школы, проткнул тетрадь ивовым прутом и, размахивая этим «знаменем», пошёл домой...

Вечером получил крепкого ремня. Не помогло... До Нового 1962 года я валял в школе дурака, потому что мне там делать было нечего. И по вечерам втихаря продолжал читать с армейским фонариком под одеялом приличные, на мой взгляд, книги: «Чингизхан», «Конники», «Батый», «Овод»...

Ги де Мопассан, О.Генри, Байрон, Хрестоматия по литературе, Справочник Конструктора по машинам и механизмам познакомили меня с миром взрослых. Очень было обидно, когда в библиотеке отобрали книгу «Денис Давыдов»,

мол, в первом классе рано такое читать...

Перед самыми Новогодними праздниками отец пошёл в школу на родительское собрание и узнал про мои «успехи в учёбе». ЧЁРНЫЙ трофейный ремень сбитого немецкого лётчика исполосовал мою попу вдоль и поперёк. Три дня: 31 декабря, 1 и 2 января, я лежал с температурой 39градусов...

После такого «урока» я учился только на «отлично». Затем стал неплохим конструктором самолётов в ОКБ имени П.О. Сухого.

Молоко.

Мы выросли на настоящем парном молоке. Родители наши всегда держали дойную корову. Это и спасло семью от голодной смерти в годы войны. В 1945-ом году отец купил чёрно-белую корову Марту.

Новая кормилица стала давать маме до тридцати литров жирного молока в день. Это три полных ведра! Кружка парного молока и кусок хлеба – королевский завтрак для растущих ребятишек. Марту любили все. Когда пастух на исходе дня пригонял стадо с пастбища, то мама встречала нашу красавицу на ближайшем перекрёстке солёной горбушкой хлеба и вела домой. Без этого угощения наша коровка Му-у могла стоять на повороте всю ночь, и требовательно мычать на всю улицу.

Мой самый старший брат Вовка научил Марту быстро бегать и перепрыгивать через солдат, отлавливающих коров для сдачи их в комендатуру за то, что коровы заходили на

территорию воинских частей в поисках объедков у солдатских столовых. Обратную корову можно было получить только после уплаты большого штрафа. За эти деньги на лесозаводе можно было купить целую машину дров.

Все ближайшие земли вокруг города были заняты воинскими частями, стрельбищами и полигонами. Поэтому ближайшие пастбища были аж за 10-12 километров. Вовке приходилось вставать в три часа ночи, чтобы выгнать корову в стадо, которое днём пас пастух.

Лето на Востоке очень жаркое. Если кто-нибудь ленился и не доил корову днём, то молоко у неё перегорало, и она переставала доиться совсем. Тогда бурёнку отправляли на мясо. Нам без коровы пришлось бы очень плохо. Поэтому по очереди приходилось каждый день пешком отправляться в полдень на пастбище, чтобы подоить нашу кормилицу. Два больших алюминиевых бидона, полных парного молока и укрытых от жары пучками зелёной травы, вытягивали наши руки до земли.

Дома мама процеживала молоко через двойную прокипячённую марлю, на сепараторе отделяла сливки и делала в духовке топлёную сметану. Мы вручную взбивали сливочное масло, которое обязаны были сдавать бесплатно в Потребсоюз за то, что имели корову. Моя сестра Люся разносила молоко по офицерским квартирам в гарнизоне, зарабатывая сущие копейки. Но мы и им были рады, ведь за них покупали хлеб, а без хлеба обед не обед.

Отец мой, Сергей.

Для нас отец всегда был высоким, стройным и красивым!

Наверное, в 20 лет он и был таким.

Да и в 33 года уходил на войну крепким и здоровым...

Но ведь вернулся! Через 4 года... Пусть израненный и контуженный, но живой!

А сколько таких русских солдат осталось под берёзами и соснами, и в своей земле, и в чужой.

Хороша страна Болгария, но России лучше нет!

Если бы война закончилась в Болгарии, то остался бы солдат там, выращивал розы, купался в Чёрном море, ракию тянул сквозь трубочку губ и наслаждался жизнью.

Но, скатку на плечо и вперёд, на запад, на Берлин!..

Затихли пушки над Германией, и покатили вагоны-теплушки на Дальний Восток, домой.

А там уж дети выросли и отца забыли в лицо, какой он.

И хозяйство без мужских рук рассыпалось бисером.

И жена-героиня, что сберегла детишек в лихую годину, из последних сил тянула житейский воз.

Вернулся!

И за работу. Поднять забор поваленный, дров на зиму заготовить, сена накосить, ребятишкам обувку справиться...

И на работу 6 дней в неделю. А в получку 470 рублей – это 5 мешков муки 2-го сорта. Так платили бухгалтеру в те далёкие времена.

Отец работал в Заготовительной конторе районной потре-

бительской кооперации шесть дней в неделю.

Принимал от населения кедровые орехи, лечебные травы, шкурки зверей диких, овощи с огородов, мёд таёжный, металлолом, банки консервные...

Субботними вечерами на брёвках у калитки собирались с нашей улицы мужики фронтовики с вопросами к моему отцу и с проблемами, что и как лучше сделать. Половина из них грамоту знали плохо, некогда им было учиться: то в тайге зверя добывали с малолетства, то воевали.

Страна стремительно менялась, и не было ей дела до них.

В газетах всё мудрено и непонятно писали. Попробуй, разберись, что там наверху задумали, и чем это обернётся для простого работяги.

Пришла установка развивать совхозы. В переводе на житейский язык это означало, что надо обрезать огороды, оставить не более 10 соток, запретить поросят держать, ввести налог на плодовые деревья. И финансового инспектора поставили подворья обходить и живность переписывать. Что мужику делать? Как быть? Да чтоб в кутузку не попасть...

Вот отец мой и читал мужикам газету «Правда», а потом объяснял, как выкрутиться и выжить, и скотинку спасти и детишек вырастить здоровыми и сильными. А то кто пойдёт в армию в 18 лет? Кто будет страну защищать? То-то и оно...

Погуторят соседи, повздыхают и просят отца спеть песни, что с фронта привёз. Вынесет он немецкий аккордеон на улицу, сядет на солдатский табурет, пробежится пальца-

ми по клавишам и запоёт. Да так запоёт, что вся округа соберётся с бабами да детишками. Не стерпит Мария, бросит домашние дела, выйдет за калитку и мужу вторить начинает. Ближе к полуночи уже одна, без музыки, чистым голосом завершит вечерку песней про Стеньку Разина.

Картошка.

Наша любимая еда в далёком детстве – это картошка, отварная с зелёным лучком или толчёная, с морожеными красными дикими маленькими яблочками, или просто жареная на гидрожире (сейчас такой жир не делают) или запечённая в углях.

Картошки надо было много. Кроме нас она кормила и курочек, и поросёнка, и козочек, да и коровке любимой доставалось по ведру, а то и по два в морозные зимние дни. Поэтому ранней весной в солнечные апрельские дни забывали с братом о школе, перекапывали грядки в огороде да на лесных расчищенных полянах, нелегальных корчёвках. Вышло всего примерно 45 соток.

Потом сажали картошку под лопату. Сашка делал ямки, я кидал в них картофелины. Сажали два сорта: красивую крупную и урожайную «Берлинку» (правильно она называлась «Берлингер», потому что привезена была из Германии) и белую плоскую «Лепёшку», очень разваристую и вкусную в пюрешке.

Через три недели начиналась самая противная работа – прополка. Как мы ненавидели сорную траву, забивающую

молодые росточки нашей картошечки. Острой тяпкой рубили вредную зелень, обливаясь потом. Ещё через три-четыре недели повторяли прополку и окучивали подросшие кустики картошки конным плугом. Лошади у нас не было, вместо неё Сашка тянул за собой блестящий стальной плуг, я висел на сошках, заглубляя плуг в землю.

В июле-августе прилетали зелёные японские самолёты и разбрасывали над совхозными полями прожорливую божью коровку, съедающую картофельную ботву под самый корешок. Приходилось и нам опылять посадки дустом, злющим ядом. В конце августа или в начале сентября наступала самая тяжёлая пора – уборка.

Выкапывали картошку вилами. Если подкапывать лопатой, то множество клубней повреждалось или разрезалось на половинки, и они не годились для хранения. Пару дней урожай сушили во дворе на ветерке, а потом опускали в подвал.

Работали споро, чтобы успеть до сентябрьских проливных дождей, приносимых в Приморье тайфунами из Японского моря. Если урожай выдавался хорошим, то часть продавали по рублю за ведро, чтобы купить нам одежду и обувь на зиму.

Короткими зимними днями мы с Сашкой развозили по огороду на санках коровий навоз, чтобы удобрить землю, и вырастить в следующем году побольше крупной картошки. Так мы и росли в обнимку с лопатой, тяпкой и вилами.

А картошку на даче сажаем и сейчас, в память о тех далёких счастливых днях. Накопаем ведро-другое, разведём суб-

ботным вечером костёр, испечём десяток картофелин и наслаждаемся в сумерках вкусом детства.

Когда нет дров.

Зимы на Дальнем Востоке суровые. Минус 35°С – обычное дело в январе. А если погода с ветерком, то печка глотает поленья, как акула мелкую рыбёшку. Глянешь, а дровяник уже пустой, хоть забор разбирай на дрова.

Пока отец получит пенсию, пока сходит на лесозавод и закажет очередную машину дров, пока их привезут, можно околеть в нетопленной хате. Приходится доставать из сарая аварийный запас. Но это не дрова.

Это японский артиллерийский порох в полотняных мешочках. Его мы натаскали из заброшенного склада. Военскую часть давным-давно расформировали. Всё полезное распределили по другим частям. А про ненужные трофеи войны 1945 года просто забыли. Мы думали приспособить этот порох для охоты, но не получилось, не давал он мгновенной вспышки. Зато горел очень хорошо и жарко, согревая нас долгими зимними ночами, когда мы с братом, укрывшись медвежьей шкурой, прижимались к тёплому обогревателю нашей большой печки.

Картина.

Детство моё не назовешь избалованным. Отец целый день на работе. Мама по хозяйству занимается. А мы сами по себе. Успеешь удрать из дому пораньше – твоё счастье. Купаться на речке гораздо лучше, чем морковку полоть или поми-

дору собирать.

Вечером, правда, мама хлопнет пару раз для порядку мокрым полотенцем по моей тощей заднице, чтобы не отлынивал от домашних дел. Да ещё пригрозит, что с утра калитку гвоздями накрепко заколотит! А сама на стол нехитрый ужин для нас, разбойников, собирает: пирожки с картошкой и помидоры с огурцами. Быстро допиваю стакан чая и убегаю на улицу. Друзья уже ждут на крыльце пожарной охраны очередной мой рассказ. Каждый вечер новая быль или небыль, или книгу пересказываю по памяти, слово в слово.

Домой нас загоняют ближе к полуночи, когда весь город уже спит. Только старшие братья не спят, они с танцев девчат провожают до дому, и нас заодно отправляют спать. Укладываемся потихоньку, свет не включаем, бережём родительский сон. Прижмётся к тёплому обогревателю печки, и до утра без задних ног!

Светает рано. Лучик солнца пощекочет мои сонные глазки и на стенку перескочит поиграть. А на стене надо мной картина висит невиданной красоты: семь девчонок ведут хоровод среди цветов полевых на лужайке, по-над речкой самой. Младшей красавице лет семь, старшей четырнадцать или пятнадцать. Одна лучше другой. Из одежды на них только одна на всех розовая лента, обвивающая стройные фигурки.

Помню, что в правом нижнем углу была подпись мастера и слово "Фрагмент". Эту картину отцу подарил командир

дивизии, когда война закончилась, и всех распустили по домам.

Когда мне было лет 10, картина пропала. Никто не смог мне объяснить, куда она делась, то ли украли, то ли родители продали за бесценок, чтобы нас накормить и одеть. С тех пор я не перестаю искать её следы. Пока безрезультатно.

Увы, я не помню, кто автор этого шедевра, из какой она страны. Ничего похожего так и не обнаружил за долгие годы поисков. Хотелось бы взглянуть хоть одним глазком на чудо, которое 60 лет назад радовало моё сердечко по утрам.

На нашей кухне висела ещё одна картина, привезённая с фронта. На ней была изображена запечённая целиком рыба горбуша, совсем как настоящая. Рядом с аппетитным блюдом на столе стояла хрустальная пепельница с дымящейся тоненькой папироской.

Все наши гости, впервые увидев картину, тут же пытались снять окурочек, думая, что это мои шалости, что это я прилепил недокуренную отцову папироску.

Судьба и этой картины не ясна мне до сих пор.

Она так же внезапно исчезла из нашего дома.

Мои поиски обеих картин продолжаются...

Наше детство.

Огород наш в 14 соток, картошка и капуста, огурцы и помидоры – это всё было заботой старших братьев, Вовки и Генки. Брату Саше досталось воду домой возить и носить из общественного колодца.

Сестра Люся разносила молоко в бидонах на продажу по ДОСам. ДОС – это сокращённое название Домов Офицерского Состава. Эти деревянные двухэтажные бараки до сих пор стоят в Бикинском гарнизоне, и в них живут наши военные. Строили их на скорую руку в середине XX века, а пригодились и в XXI веке...

Мне морковку ненавистную полоть пришлось, а в награду за труд по большим праздникам разрешали сбегать в сельпо и по книжке паевой купить триста грамм масла сливочного, принести домой, отрезать горбушку хлеба, смазать маслом, посыпать сахаром, выйти на улицу гордым-гордым и услышать со всех сторон завистливое и нестерпимо требовательное:

– Сорок семь дели на семь!..

И, как стая воробьёв, слетались на этот кусок хлеба голодные пацаны со всей улицы!

Компот.

Моё детство вспоминается постоянным чувством голода. Краюха белого хлеба, посыпанная тоненьким слоем сахара, была пределом мечтаний. Выручала рыбалка, но растущему организму рыба слабый помощник. Фрукты добывались во время ночных набегов на чужие сады, овощи – на совхозных полях. Иногда удавалось подстрелить метким выстрелом из рогатки чью-нибудь курицу, удравшую на улицу из хозяйского двора.

Зимой ставили в лесу проволочные петли на зайцев. Ле-

том собирали грибы да ягоды. А так хотелось развести большой костёр на лесной поляне, зажарить на вертеле целого быка и съесть без остатка вместе с рогами и копытами, потом запить обед земляничным компотом. Тогда бы на моих худющих руках и ногах налились могучей силой богатырские мускулы, и мой дядька Фёдор взял бы меня с собой в тайгу на настоящую охоту.

Поросёнок.

Мой отец как-то купил на базаре бойкого смуглявого месячного поросёнка для вертела. Только наша мама не дала его зажарить, уж очень ей понравился неумемный аппетит малыша. Через полгода этот поросёнок стал ростом, как наш барбос Пират, и такой же тощий! Доски в заборе перегрызал за пару минут. Весь двор превратил в танкодром, все мамыны клумбы перепахал, как бульдозер. Оказалось, что отцу подсунули дикую маньчжурскую чёрную свинью...

Сладкая ягода голубика.

На смену жаркому лету незаметно подкралась осень. Пора доставать с чердака берестяной наспинный короб и отправляться в тайгу за ягодой. Сначала голубика порадует нас обильным урожаем, потом брусника и дикий виноград. Богато лесными дарами Приамурье моё. Но надо знать места, не лениться и не бояться ходить за тридевять земель. Главное – это собрать добрую ватагу пацанов. В одиночку в тайге делать нечего.

Чтобы комары и мошка не обглодали нас до косточек, на-

до заранее сварить по бабушкиному рецепту вонючую мазь с керосином. В те далёкие времена наука ещё не придумала ничего получше.

Накомарник на всю голову вещь хорошая, да только плоховато смотреть сквозь него, и голубику не видно. Можно запросто и на змею ядовитую наступить ненароком.

За ягодой выходим ещё затемно, путь неблизкий. Огибаем сопку Кирсаниху и растворяемся в густых зарослях. Где напролом через сопки, где по сырым распадкам, а где и по болотам пробираемся к заветным местам.

Целый день аккуратно обираем рясные кусты, стараясь не давить сильно ягоду. Потечёт по спине голубичный сок, одежду выкрасит и спину с подспинком, и потную кожу разъест до мяса. Медленно наполняется короб, а тяжелеет почемуту-то быстро. Жёсткие лямки врезаются в плечи. Мы не скулим и не плачем. Стараемся побольше ягод набрать. Самую крупную отправляем сразу в рот, и к обеду уже набиваем дикую оскомину на зубах.

Покатилось солнышко к закату, а мы, довольные, покатались со своими торбами домой. Идём, друг перед другом хвастаемся, кто больше сладкой ягоды набрал. За разговорами раз не туда свернули, потом другой, в итоге вовсе заплутали. Наскочили на сплошные заросли чёртова дерева, в кровь ободрались острыми шипами. Обошли одну незнакомую сопку, ещё одну, встали и давай спорить куда идти дальше.

Спорили-спорили и решили вокруг третьей сопки идти по распадку. Не беда, что под ногами вода болотная захлюпала. Всё равно, давно уже ноги промочили. Идём и дивимся, почему дно у болота такое твёрдое и ровное, как будто шоссе спряталось в глухой тайге. Тут я вспомнил, как мама рассказывала про заключённых, которые в годы войны строили секретную дорогу к китайской границе для скрытной переброски наших танков, чтобы дать отпор японцам, захватившим Китай.

Так и вышли мы из тайги, нащупывая ногами твердынь, вспоминая добрым словом безвестных строителей.

Гостинцы из Японии.

Много-много лет назад в далёком городе Хабаровске три ученика четвёртого класса сбежали с уроков и в дальнем уголке большого школьного сада продолжили рыть землянку. Оставшись без родителей, не зная ласки, устав от казарменных порядков детдома, они жили мечтой о своём маленьком доме, пусть и спрятанном под землей. Копать было легко. Чёрная мягкая земля приятно пахла бабушкиным огородом. Ещё бы углубить яму на полметра, и можно приниматься за крышу.

Заскрежетала лопата по ржавому железу. Этого только не хватало. Делать нечего, надо откапывать помеху. Толстая болванка, круглая, тяжёлая очень. Вот не повезло! Надо было копать чуть в сторонке. И снова скрежет по металлу. Вторая болванка! Вот так дела, невезуха чёрная. Ещё

чуть-чуть, и глазам открылся сначала один артиллерийский снаряд, следом – другой. Не знают страха мальчишки, руками копают дальше. Вытащили оба снаряда на поверхность и принялись рассматривать в лучах заходящего солнца. Видно долго таилась в земле опасная находка. Ржавчина толстыми слоями лежит.

Форма у снарядов необычная, не такая, как в кино. Носовая часть, как обрезана. Через много лет я случайно наткнулся на описание подобного оружия. По всем приметам получается, что это были японские боеприпасы из далекого 1918 года, когда японские войска хозяйничали в Хабаровске. Но нам было не до подробностей. Раз есть снаряд, то надо его взорвать.

Обдирая руки ржавым железом, утащили находку на пустырь, подальше от школьного сада. В минуту собрали большой костёр, установив снаряды «на попа», слегка закопав низ в землю. Из сухой травы сделали длинный толстый жгут, одним концом вставили в основание костра, второй конец подожгли и бросились бежать. Бежали долго, пока не увидели небольшой овражек. В нём и залегли, изредка выглядывая наружу.

Отбушевало высокое пламя. Догорает наш костер в надвигающейся ночи. Почти час прошел, а взрыва нет. Надо бы подбросить сухих дров. Да нет смелых и отчаянных. Опять не повезло, не будет фейерверка знатного. Как вдруг хлопок изрядный, разметало уголья во все стороны, чёрно-бурое об-

лако поползло над землей.

Это не взрыв, а полная ерунда. Подождав немного, направились к развороченному костру. Поковыряли остатки золы, подсвечивая пучком горячей травы, и нашли в земле толстенную донную часть с остатками резьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.